

УДК 801.562

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-1-132-148

ОБРАЗ ЛЕСА КАК ЧАСТИ ВЕЧНОЙ ПРИРОДЫ В СИСТЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ Л. Н. ТОЛСТОГО

Павлова И. Б.*Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук
121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25 а, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать различные ипостаси имеющего фольклорно-мифологические истоки образа леса, который проходит через всё творчество Л. Н. Толстого, отражает своеобразие авторского мышления, его философию природы, этику, социально-практический опыт, выступает важной составляющей национальной картины мира, созданной художником.

Процедура и методы. Методологической базой статьи стали литературоведческие, культурологические труды, документальные источники. Определяющими являются культурно-исторический, описательно-функциональный, биографический способы интерпретации творчества писателя.

Результаты. На примере рассказов «Рубка леса», «Три смерти», повести «Казачьи», эпопеи «Война и мир», романа «Анна Каренина», повести «Хаджи-Мурат», рассказа «Ягоды» с привлечением <Проекта по лесному хозяйству>, мемуаров, дневниковых записей, записных книжек, деловых бумаг, эпистолярия продемонстрировано смысловое богатство образа леса как природной стихии. Акцентируется внимание на высокой степени обобщённости художественного образа. Лес предстаёт самодостаточным, многоликим, неоднозначным: это среда, таящая мощную энергию, недоступная людям, отстранённая от них и оказывающая возрождающее влияние на душу человека, приобщающая её к вечной красоте; пристанище носителей зла и жертва; таинственное, сакральное место; совмещение начал опасных и благодатных. Такая многоликость отражает величие природы, неисчерпаемость её проявлений, возможности оказывать духовное влияние на человеческую личность, приобщать её к вечности. Высказана точка зрения, что представления Л. Н. Толстого о роли природной стихии леса в земном бытии, в жизнедеятельности людей были близки его современникам: Островскому, Чехову, писателям XX в.: Пришвину, Паустовскому, Леонову и ряду других. Однако для художника оставался открытым вопрос о гармонизации отношений природы и культуры, прогресса.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при изучении вопросов, касающихся философии природы и этических взглядов Л. Н. Толстого, того, как факты биографии писателя определяют различные моменты его творчества (деятельность по лесонасаждению и образ леса, встречающийся в произведениях разных лет, письмах), а также при рассмотрении идейно-эстетических сближений в разработке образа природы и стихии леса Л. Н. Толстым и его современниками (Островским, Чеховым), яркими представителями русской литературы XX в. (Пришвиным, Паустовским, Леоновым и др.).

Ключевые слова: идейно-художественное богатство образа леса, концепция природы Л. Н. Толстого, Л. Н. Толстой, образ леса, национальная картина мира

FOREST IMAGE AS A PART OF ETERNAL NATURE IN THE SYSTEM OF L. N. TOLSTOY'S ARTISTIC AND PHILOSOPHICAL VIEWS

I. Pavlova*Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
ul. Povarskaya 25 a, Moscow 121069, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the various incarnations of the image of the forest with its folklore and mythological origins, which runs through the entire work of L. N. Tolstoy, reflects the originality of the author's thinking, his philosophy of nature, ethics, social and practical experience, and is an important component of the national picture of the world created by the writer.

Methodology. The methodological basis of the article was literary, cultural works, and documentary sources. The decisive ones are cultural-historical, descriptive-functional, biographical methods of interpreting the writer's work.

Results. Using the example of the stories "Cutting Wood", "Three Deaths", the story "Cossacks", the epic "War and Peace", the novel "Anna Karenina", the story "Hadji Murat", the story "Berry", with the involvement of the Forestry Project, memoirs, diary entries, notebooks, business papers, epistolary, the semantic richness of the image of the forest as a natural element is demonstrated. Attention is focused on the high degree of generalization of the artistic image. The forest appears self-sufficient, multifaceted, ambiguous: it is an environment that conceals powerful energy, inaccessible to people, removed from them – and has a reviving influence on the human soul, introducing it to eternal beauty; a haven for the bearers of evil – and a victim; mysterious, sacred place; combination of dangerous and beneficial principles. Such diversity reflects the greatness of nature, the inexhaustibility of its manifestations, the ability to exert a spiritual influence on the human personality, to introduce it to eternity. The point of view is expressed that L. N. Tolstoy's ideas about the role of the natural element of the forest in earthly existence, in the life of people, were close to his contemporaries Ostrovsky, Chekhov, and writers of the 20th century. Prishvin, Paustovsky, Leonov and several others. However, the artist remained open to the question of harmonizing the relationship between nature and culture, progress.

Research implications. The results of the study can be used in studying issues related to the philosophy of nature and ethical views of L. N. Tolstoy, how the facts of the writer's biography determine various moments of his work (afforestation activities and the image of the forest found in works of different years, letters), and also when considering ideological and aesthetic convergences in the development of the image of nature and the elements of the forest by L. N. Tolstoy and his contemporaries (Ostrovsky, Chekhov), prominent representatives of Russian literature of the 20th century (Prishvin, Paustovsky, Leonov, etc.).

Keywords: Tolstoy's concept of nature, ideological and artistic diversity of the image of the forest, L. N. Tolstoy, national picture of the world, the image of the forest

Введение

Мироощущение Толстого было близко к пантеистическому, такой же характер имели изображения природы в его произведениях. В этом могли проявиться врождённые влечения, влияние его кумира Ж.-Ж. Руссо, представителей немецкой классической философии, ему были близки взгляды американских трансценденталистов Р. У. Эмерсона, Г. Д. Торо. Толстой ощущал живую связь человека с окружающим природным миром и самодостаточность последнего, для писателя было несомненно, что у природы «есть душа, в ней есть свобода, в ней есть любовь, в ней есть язык...»¹

Важной составной частью этого мира является лес. Образ земного пространства обязательно связан с представлением о лесах, полях, горах, реках. Как экосистема он оказывает влияние на атмосферу и почвы, порой выступает историческим фактором. Лес – один из значимых элементов, образующих русский ландшафт. Он играет важную роль в устном народном творчестве, культуре, искусстве, в человеческой цивилизации. Семантика этого образа в художественной литературе разнообразна: лес может символизировать национальное бытие, общую картину жизни, он предстаёт средой мрачной, враждебной, таинствен-

¹ Тютчев Ф. Не то, что мните вы, природа... // Русская

поэзия: [сайт]. URL: <https://rupoem.ru/tyutchev/ne-to-cto.aspx> (дата обращения: 10.11.2024).

ной и в то же время защищающей, умиротворяющей, лес выступает как объект жизнедеятельности человека. «Тот дикий лес, дремучий и грозный»¹, – это аллегория души, обременённой грехами и заблуждениями, в «Божественной комедии» Данте. В стихотворении «Лес» («Посвящено памяти А. С. Пушкина»), написанном А. В. Кольцовым в фольклорной традиции, могучий лес – символ гениального поэта.

В капитальном труде антрополога, исследователя мифологии Дж. Дж. Фрезера «Золотая ветвь: исследование магии и религии» подробно рассматривается культ деревьев, происхождение культа Царя Леса, понятие «священной рощи», традиция поклонения деревьям, история «золотой ветви» – омылы. Художественная литература пронизана мифологическими архетипами, которые реализуются на уровне текста в виде конкретных образов и мотивов. Если обратиться к фольклору, то лесной стихии в нём отводится заметное место. Так, например, в труде В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки» третья глава посвящена «Таинственному лесу», составляющему элемент сказки, имеющий важные сюжетно-композиционные функции. «Идя “куда глаза глядят”, герой или героиня попадает в тёмный, дремучий лес. ... Этот лес никогда ближе не описывается. Он дремучий, тёмный, таинственный, несколько условный, не вполне правдоподобный» [17, с. 151], окружает иное пространство, через него ведёт дорога в иной мир. В лесу совершается инициация. Как полагает В. Я. Пропп, на основании этнографических материалов можносделатьпредварительноезаключение: «...сказочный лес, с одной стороны, отражает воспоминания о лесе как о месте, где производился обряд, с другой стороны, – как о входе в царство мёртвых. Оба представления тесно связаны друг с другом» [17, с. 152]. Анализ литературного произведения подразумевает возможное влияние на него поэтики фольклора, которая

порой усваивается художником на уровне подсознательном.

По мнению исследователей К. Каминского и Э. Мартина, мотив срубленного, проданного или исчезающего леса, а также лесного хозяйства довольно часто был сюжетообразующим в русском реализме, что предполагает возможность анализировать ряд произведений отечественной классической литературы с точки зрения теории ресурсов, позволяющей связать внутреннюю динамику развития художественных стилей с процессами социально-экономического осмысления природных богатств [9, с. 344–377].

Биограф Толстого Н. Н. Гусев отмечал, что вся жизнь писателя в пору детства была неразрывно связана с усадьбным бытом: «Здесь он воспринял первые впечатления природы, – той русской природы, которая играла такую большую роль во всей его дальнейшей жизни и во всём его творчестве. ... В то время высокий синеватый лес, замыкавший с одной стороны необозримое ржаное поле, казался мальчику “самым отдалённым, таинственным местом, за которым или кончается свет, или начинаются необитаемые страны”»².

Считалось, что зелёная палочка, содержащая тайну, как сделать всех людей счастливыми, из детской утопии Толстого, была зарыта у дороги на краю оврага Старого заказа. Писатель делился воспоминаниями о зелёной палочке с близкими, в том числе с художниками Репиным и Похитоновым, которые сделали зарисовки этого условного места в лесу. В конце жизни Толстой выразил свою последнюю волю похоронить его там же. «Сначала это распоряжение было высказано им устно, но вскоре он выразил его и в письменном виде – сначала в 1905 году в “Воспоминаниях”, а затем в завещательной записи в дневнике 11 августа 1908 года»³.

Имение Толстого Ясная Поляна, в котором он провёл многие годы, отличалось

¹ Алигьери Д. Божественная комедия / пер. М. Лозинского. М.: Наука, 1967. С. 9.

² Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М.: АН СССР, 1954. С. 76–77.

³ Там же. С. 91.

разнообразной растительной стихией. За Красным садом начинается лес Чепыж, являющийся частью исторических Тульских засеков, где растут в основном старые могучие дубы. Толстой любил выбирать эти места для своих ежедневных прогулок. Слева остаётся Косая поляна, а за ней – Афонина роща (Молодой заказ), которую составляют берёзы и Абрамовские посадки. Афонина роща является частью естественного липового лесного массива, называемого Старый заказ, там находится могила писателя. Старая Абрамовская посадка возникла при жизни Толстого на пашне в 1874–1876 гг. Около старого колодца начинается еловый лес, посаженный С. А. Толстой¹.

По воспоминаниям сына писателя С. Л. Толстого, «Засека с её просеками, малоезжими дорогами, чащами, оврагами, привлекала его своей дикостью, безлюдьем, первобытностью и роскошью растительности. Туда он удалялся от повседневной суеты, там он созерцал природу, почти не тронутую человеком, там он мыслил. Он особенно любил выбирать малозаметные тропинки, не зная, куда они приведут, и бывать в таких частях Засеки, где он раньше не бывал. В лесу, так же как и в области мысли, он любил отыскивать новые пути. В этом он находил особую прелесть. Тропинки иногда прямо выводили его на торные пути, а иногда вели в чащу и глубокие овраги»².

¹ Никитина Н. Ясная Поляна. Путеводитель по заповеднику. Тула: Ясная Поляна, 2010. С. 183–196.

² Толстой С. Л. Очерки былого. Тула: Приокское книжное издательство, 1975. С. 192.

19 сентября 1941 г. М. М. Пришвин, литератор, близкий руссоистско-толстовским взглядам, один из представителей русского космизма, записал в своём дневнике: «Мне хорошо в лесу, потому что там всё живое и растёт само, а не как в городе, всё сделанное и устроенное рукой человека. ... В лесу же ничто не мешает всему живому дивиться и ему сочувствовать. Самое же главное в лесу – это независимость каждого существа от человека: не при его содействии всё растёт, а само по себе.

Иногда, очнувшись в лесу от своих мыслей, я как бы выгляну из себя и вдруг увижу вокруг деревья, цветы, травы, птиц, муравьёв как существ живых, самостоятельных. В особенности молодые сосны или берёзы, расставленные где-нибудь на лесной

Л. Н. Толстой в пятидесятые годы. Поиски смысла жизни, личного и общественного блага

Когда Толстой посетил Ясную Поляну в 1857 г., у него возникли замыслы относительно преобразований в сфере хозяйственной и связанные с окружающей средой, в том числе касающиеся сохранения леса и новых посадок. Причём эти планы имели не только значение для него лично: писатель мыслил о развитии, совершенствовании лесного дела по всей Тульской губернии. В определённом плане намечающиеся программы были связаны в канун освобождения с крестьянским вопросом. По мнению Ю. И. Красносельской, почвой для правовых и философских экспериментов Толстого могла стать теория гражданского общества, изложенная Гегелем в «Философии права»³.

Деятельность в этом направлении владельца имения получила следующее развитие. Понимая серьёзность поставленных перед ним задач, Толстой принял решение проконсультироваться с известным агрономом, лесоводом Ф. Х. Майером (1783–08.09.1860), одним из лучших сельскохозяйственных управляющих и агрономов своего времени, основоположником степного лесоводства в мире. Большую часть жизни он работал управляющим в имении Моховое помещиков Шатиловых, где и приобрёл всероссийскую известность. За заслуги в области лесоводства его портрет при жизни был помещён в зале заседаний Императорского Московского общества сельского хозяйства. В память о Ф. Х. Майере, учёном-практике, была

поляне, – глянешь на них из себя и вдруг увидишь в каждом свою судьбу, свою борьбу. Тогда открывается в душе родник радости жизни чистый, святой и страстное желание прийти к людям, не понимая этого, и открыть им непостижимые сокровища жизни, скрытые от них суетой, пустяками». См.: Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. М.: РОССПЭН, 2012. С. 7.

³ Красносельская Ю. И. Правовые и философские аспекты хозяйственных начинаний Л. Н. Толстого 1858 г. [Электронный ресурс] // V Толстовские правовые чтения: сборник докладов. Тула, 2019. URL: <https://cbstolstoy.ru/wp-content/uploads/2020/03/Vtolst.pdf> (дата обращения: 10.11.2024 г.).

учреждена большая золотая медаль. Он состоял действительным членом многих научных обществ, три тома собрания сочинений Майера были опубликованы в 1850, 1851, 1854 гг.

В «Записных книжках» Толстого за сентябрь 1857 г. перечислены вопросы, с которыми он хотел обратиться к специалисту: агрономические, высаживание ели, высаживание в Старом Заказе, сеяние дуба, чистка леса от валежника, посадка сосен; также имеются наброски, касающиеся проекта о лесном хозяйстве¹.

В первых числах октября 1857 г. Толстой отправляется в Моховое. Об этом есть запись в Дневнике: «[1 октября. Моховое.] 1-е Октября. Поехал в Моховое. Встречал ярморочных. Майер. Ужасно горд спокой-но; но вместе с тем не чист сам с собою. –

[2 октября. По дороге из Мохового в Пирогово]. 2-е Октября. Майер жесток, но не виноват, озлоблен. Он поёт, читал со слезами псалом Давида. Ясная, просторная голова. Я выехал, ночевал в В[оинских] дв[орах]»². Запись свидетельствует, что на писателя произвела большое впечатление личность Майера³.

¹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 47. М.: Государственное издательство Художественная литература, 1937. С. 219–222, 550–551.

² Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 47. М.: Государственное издательство Художественная литература, 1937. С. 158.

³ В книге Т. Архангельской «Л. Н. Толстой. Пути. Дороги. Лица» рассказывается о сохранившемся в Яснополянском Доме-музее в составе личной библиотеки писателя третьем томе «Полного собрания сочинений Франца Майера» с чертежами (М., 1854). Предположительно в своих вопросах, внесённых в Записную книжку, писатель мог исходить из руководств Майера. Автор книги делает вывод, что поездка Толстого в Моховое в 1857 г. «имела для него существенные практические результаты. Он выяснил ряд вопросов по ведению сельского хозяйства, получил материалы для обоснования своего лесного проекта и практическую возможность создать большие посадки зелёных массивов на незанятых площадях в Ясной Поляне» [1, с. 112]. Т. Архангельская ссылается на статью В. П. Орлова «Поездка Л. Н. Толстого к Ф. Х. Майеру», в которой убедительно сопоставлены записи Толстого и материалы публикаций Майера. В частности, писатель в перечне вопросов Майеру упоминает «полицию», т. к. перу учёного-агронома принадле-

Необходимость в практических советах опытного лесовода и агронома сохранялась у владельца Ясной Поляны и в дальнейшем. В «Записной книжке» № 1 9 мая 1858 г. Толстой помечает: «К Майеру о сеялке и скоропашке»⁴.

Одновременно писатель предпринял попытки систематизировать свои взгляды относительно практики и теории лесного хозяйства. Результатом этого явился проект о лесонасаждении в Тульской губернии, написанный примерно в середине октября 1857 г. и представленный им в Министерство государственных имуществ, но не получивший поддержки (см. записи в Дневнике 22, 23 и 29 октября 1857 г.). 22 октября Толстой посетил министра государственных имуществ М. Н. Муравьёва по делу о проекте и видел также товарища министра генерал-майора А. А. Зеленого. 23 октября в его Дневнике есть запись: «Опять Зеленый. Дело туго идёт»⁵. 29 октября: «Застал Министра.

жала книга «Опыт сельского благоустройства или полиции» (М., 1835), один из разделов её назван «Некоторые сведения о лесах», в которой разбирались вопросы сельского управления со стороны помещика. В. П. Орлов касается также личности Майера, ссылаясь на отзыв внука И. Н. Шатилова И. И. Шатилова, его интерес к искусству и литературе, творчеству Шиллера и Гёте.

Относительно псалма Давида, который читал Ф. Х. Майер, комментатор в Юбилейном собрании сочинений Л. Н. Толстого полагает, что речь идёт о псалме 104 («Исповедайтесь Господеви, и призывайте имя Его, возвестите во языцех дела Его»), упоминание о нём встречается в октябрьской «Записной книжке». См. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 47. М.: Государственное издательство Художественная литература, 1937. С. 219, 550.

Этот псалом излагает историю водительства Богом еврейского народа, заканчивая исходом из Египта. Подмеченные Толстым проявления характера Ф. Х. Майера могли быть связаны с его врождёнными качествами и с теми испытаниями, которые выпадали на долю иностранца, стремящегося занять достойное положение в другой стране, а также с проблемами в семейной жизни.

⁴ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 48. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. С. 76, 486.

⁵ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 47. М.: Государственное издательство художественная литература, 1937. С. 160.

Плохо успел поговорить о деле»¹. 30 октября Толстой уехал из Петербурга, оставив свой проект на рассмотрение министерства.

<Проект по лесному хозяйству> помещён в Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого (Юбилейном) (т. 5, с. 259–261); комментарий, история текста и описание рукописей (с. 347–350) принадлежат Н. М. Мендельсону. Исследователь отмечает, что сохранились две рукописи, выполненные одинаковым крупным и красивым канцелярским почерком:

«А) более ранняя, с поправками, рукою самого Толстого и с его собственноручной подписью: Граф Лев Толстой;

Б) более поздняя, в которую вошли указанные выше авторские поправки, но которая снова подверглась исправлениям, вписанным автором между строк, и дополненная пунктом 10, которого в более ранней редакции не имелось вовсе; подпись: “Граф Лев Толстой” в этой рукописи зачёркнута, но зато поставлена дата: “28 октября 1857 года, С. Петербург”»². «Обе рукописи писаны на отдельных полных листах писчей бумаги лучшего качества: каждая из них занимает два полных листа, сшитых вместе, всего 8 нумерованных страниц. На полях 2-й, более поздней редакции вписаны неизвестной рукой критические замечания по поводу каждого отдельного пункта предлагаемого проекта, – вероятно кем-либо из служащих Лесного департамента, которому было поручено рассмотрение этого проекта»³. Почерк, которым сделаны дополнения на полях рукописи, напоминает толстовский.

В Юбилейном собрании сочинений <Проект по лесному хозяйству> печатался впервые по исправленной и дополненной рукописи. В настоящее время обе рукописи находятся в ОР ГМТ.

¹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 47. М.: Государственное издательство художественная литература, 1937. С. 161.

² Мендельсон Н. М. Комментарии // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 5. М.: Государственное издательство художественная литература, 1935. С. 350.

³ Там же.

По возвращении из Петербурга писатель обратился к Ф. Х. Майеру с письмом, которое осталось неизвестным, но сохранился ответ учёного-лесоведа от 16 ноября 1857 г., дающий представление о его содержании:

«Письмо Вашего Сиятельства от 30 Окт<ября> получил и при нём записочку на имя г. министра. Письмо застало меня с больною ногою, которая хоть не мучает, но заставляет опасаться дурных последствий. Ещё было неудоботлаемое дело и по этим причинам замедлил ответом.

Не отрекаюсь от своих обещаний. Давно привык я всё относящееся к лесничеству почитать моим делом.

Я на полях помянутой записки написал свои замечания по крайнему разумению, думаю, что они Вашего Сиятельства могут служить кое в чём предостережением.

Крайне трудно будет сочинять условие так, чтоб предприниматель не был совершенно в зависимости [от] лесного начальства.

Вы спрашиваете, можете ли Вы рассчитывать на моё содействие?

Моя опытность к вашим услугам. При выборе места для лесного питомника и устройства его – когда здоровье позволит, готов лично содействовать и на счёт самых культур надеюсь быть небесполезным, и это безо всяких с моей стороны интересных видов» [5, с. 78].

Письмо хранится в ОР ГМТ. Впервые было опубликовано профессором П. В. Васильевым в очерке «Великий писатель и русский лес» [5]. В нём автор подробно описывает разыскания, предпринятые в отношении <Проекта по лесному хозяйству> и письма Ф. Х. Майера Толстому: «Из этого письма выясняется два важных новых обстоятельства. Во-первых, оказывается, Л. Н. Толстой 30 октября, т. е. немедленно после возвращения из Петербурга, написал Ф. Х. Майеру письмо, интересуясь, согласен ли уважаемый лесовод помочь ему в осуществлении проекта, как обещал ранее. К сожалению, это письмо не найдено, но содержание его ясно из от-

вета Ф. Х. Майера. Следовательно, вернувшись из неудачной поездки, Л. Н. Толстой не только не оставил задуманного дела, но, напротив, взялся за него с ещё большей обстоятельностью.

Во-вторых, из письма Ф. Х. Майера следует, что хранящийся в бумагах Толстого второй, более поздний вариант проекта, помеченный 28 октября 1857 г. и считавшийся составленным в департаменте подлинником, в действительности является лишь копией, привезённой автором из Петербурга обратно. Подлинник надо искать в архивах Лесного департамента. Это исчерпывающе объясняет и те правки, которые имеются во втором варианте проекта, а именно то, что в нём зачёркнута подпись, приписан в конце дополнительный десятый пункт, внесены в основной текст некоторые мелкие поправки. Все эти поправки, по-видимому, сделаны для придания оставляемой копии полной идентичности с экземпляром, переданным департаменту» [5, с. 79].

Гипотетически образ Ф. Х. Майера, посвятившего свою жизнь сохранению лесов, земли, мог оставить свой след в творческой памяти Толстого, тем более что ему как владельцу большого имения приходилось на протяжении многих лет решать практические вопросы лесного хозяйства.

Как указывает Н. М. Мендельсон, в архиве Толстого, который в то время (1935 г.) находился в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, сохранилась «Выписка из утверждённого г. Министром журнала специального по Лесной части Комитета от 17 января 1858 года», содержащая критический разбор его проекта [8, с. 263–265]. «Получив это отношение Лесного комитета, Толстой, по-видимому, решил выступить со своими возражениями, которые он изложил в форме письма к товарищу министра государственных имуществ А. А. Зеленому»¹. Однако в дальнейшем писатель, видимо, изменил своё

решение по разным причинам, и письмо А. А. Зеленому от 16 апреля 1858 г. осталось неотправленным².

Своими планами писатель поделился с друзьями. Так, в письме В. П. Боткину и И. С. Тургеневу от октября 21 – ноября 1 он сообщал: «Кроме того, я затеял большое предприятие с казной относительно лесов, которое очень занимает меня»³. Упоминание об очень скором приезде из Москвы в Петербург встречается в письме к А. А. Толстой от 18–20? октября 1857 г. Близкие люди недоумевали по поводу энтузиазма Толстого. Узнав о лесном проекте, Тургенев писал 1/13 декабря 1857 года из Рима П. В. Анненкову: «Удивили вы меня известием о лесных затеях Толстого! Вот человек! с отличными ногами непременно хочет ходить на голове. Он недавно писал Боткину письмо, в котором говорит: “Я очень рад, что не послушался Тургенева, не сделался только литератором”. В ответ на это я у него спрашивал – что же он такое: офицер, помещик и т. д.? Оказывается, что он – лесовод. Боюсь я только, как бы он этими прыжками не вывихнул хребта своему таланту; в его швейцарской повести уже заметна сильная кривизна. Очень бы это было жаль, но я всё-таки ещё крепко надеюсь на его здоровую природу»⁴.

Вскоре Тургенев непосредственно высказал Толстому своё мнение по поводу его лесоводческих занятий: «Вы были бы правы, если б, предлагая Вам быть только литератором, – я ограничил значение литератора одним лирическим щебетаньем, но в наше время не до птиц, распевających на ветке. – Я хотел только сказать, что всякому человеку следует, не переставая быть человеком, быть специалистом; специализм исключает дилетантизм – (извините все эти “измы”) – а дилетантом быть – значит быть бессильным. До сих пор в том, что Вы делали – всё ещё виден дилетант, необычайно

¹ Мендельсон Н. М. Комментарии // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 5. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1935. С. 350.

² Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 60. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 349.

³ Там же. С. 233.

⁴ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М.: Художественная литература, 1983. С. 406.

даровитый, но дилетант; мне бы хотелось видеть Вас за станком, с засученными рукавами и с рабочим фартуком»¹.

Однако практическая деятельность Толстого осенью 1857 – весной 1858 гг. имела несомненное значение для его духовного развития, стала катализатором важных процессов, происходящих в сознании писателя. Толстой изначально тяготел к апологизации «живой жизни», признанию мудрости природы, противопоставлению её цивилизации, а также к учительной роли. Поэтому погружение в пятидесятые годы в деятельность сельскохозяйственную было вполне мотивированным, а интерес к лесу Толстого – не только практическим, утилитарным, а прежде всего обусловленным его философско-этическими взглядами, представлениями о мире. Таким образом, <Проект по лесному хозяйству>, записи в дневнике, заметки различного характера, свидание и переписка с Ф. Х. Майером, неотправленное письмо генерал-майору А. А. Зеленому являются свидетельством самобытного развития личности художника, его растущего интереса к феномену природы и духовной сущности человека, воззрений нравственных, стремления Толстого к инициативной жизненной позиции, того, что тема леса имеет глубокие корни. Рассмотренные документальные источники освещают общественные установки писателя, его мировоззренческие позиции, процессы, протекающие в сознании личности, стремящейся к обретению своего места в обществе и литературе, желание общественно-полезной практической деятельности в предреформенные годы, внимание к органической природе. Они отличаются высокой степенью достоверности, в них отражено непосредственное движение жизни. Дневник, записные книжки, <Проект по лесному хозяйству>, деловые письма, деловые бумаги, частная переписка дают представление о социальном контексте, в котором проходили хозяйственные начинания писателя. Эти

источники приоткрывают логику поступков Толстого, свидетельствуют о его ориентации на лучшие методы преобразовательских начинаний, о чуткости психолога к сложной личности лесовода и агронома Ф. Х. Майера.

По мнению Ю. И. Красносельской, «причина неудачи толстовского проекта лесонасаждения 1857 г. объясняется во многом тем, что в его основе лежали не финансовые расчёты (как мог полагать сам Толстой), а представления о возможности полного духовного обновления человека. Ключевая идея проекта – о необходимости полного очищения почвы перед последующей посадкой семян – оправдывается выгодностью такого способа лесонасаждения. Однако проект Толстого был отклонён именно по причине нерациональности предложенного им способа ведения лесного дела. Как мы полагаем, проект Толстого являлся символическим способом отречения от прошлого, выхода из тяжёлого мировоззренческого кризиса. Создавая проект, Толстой проецирует на внешнюю природу своё стремление к “очищению” души от всего наносного. Его вера в возможность активного вмешательства в жизнь, исправления “неразумной” природы оказывается, в каком-то смысле, богоборческой. Точно так же и отклонение проекта Министерством государственных имуществ ведёт к признанию Толстым невозможности изменить мир и себя самого и готовности подчиниться Закону – не столько государственному, сколько высшему» [10, с. 157–158]. Нам представляется, что время тяжёлого мировоззренческого кризиса для Толстого в рассматриваемый период ещё не наступило, операции по «очищению» души предпринимались им регулярно с ранней юности. А вера писателя в возможность активного вмешательства в жизнь отнюдь не тождественна стремлению исправлять «неразумную» природу.

¹ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. Т. 3. М.: Наука, 1987. С. 291.

Многогранность образа леса. Философия природы и этика

Образы леса возникают в произведениях Толстого достаточно рано. В рассказе «Рубка леса» (1855) это не просто локус, упоминаемый в связи с военной операцией, но лес становится жертвой, как и несчастный солдат Веленчук. В ходе операции потребовалось, чтобы деревья были вырублены почти на три версты, место очищено так, что его нельзя было и узнать, «вместо прежде видневшейся сплошной опушки леса открывалась огромная поляна, покрытая дымящимися кострами и двигавшимися к лагерю кавалерией и пехотой»¹. Однако в природе несмотря ни на что сохраняется «спокойная гармония», которая вносит некое примиряющее начало в человеческую жизнь с её неизбежным насилием, страданием, деструкцией.

В рассказе «Три смерти» дано пронзительное изображение рощи в весеннюю пору. Это идеальное место, где действуют особые законы. Нарисованная как будто в назидание человеку картина раскрывает мудрость, величие, красоту естественной жизни и смерти, возносит рассказ на уровень философский, направляет читателя по пути духовного просветления. По мысли автора, в природе нет трагедии, всё подчинено высшим законам, «божески-всемирным». В письме к А. А. Толстой писатель кратко и апологетически изложил принцип жизни «Une brute»: «...да чем же дурно une brute? Une brute есть счастье и красота, гармония со всем миром, а не такой разлад, как у барыни. Дерево умирает спокойно, честно и красиво. Красиво – потому что не лжёт, не ломается, не боится, не жалеет. – Вот моя мысль, с которой вы, разумеется, несогласны, но которую оспаривать нельзя, – это есть и в моей душе и в вашей»². Здесь же автор рассказа уже вполне откровенно обозначил свою позицию относительно вопросов вероисповедных: «Мужик умирает спокойно, именно потому, что он не христианин. Его религия другая,

хотя он по обычаю и исполнял христианские обряды; его религия – природа, с которой он жил»³. При этом следует обратить внимание на такую деталь в конце рассказа: из дерева предполагается вытесать крест на могилу ямщика дяди Фёдора – символ спасения, жизни вечной. Поэтому категоричность толстовских суждений вступает в противоречие с художественным изображением.

В повести «Казаки» лес выступает как самостоятельный образ, формирует художественное пространство повести. Он является неотъемлемой частью особого мира, влекущего и загадочного для Оленина, предстаёт не только локусом, но и топосом. Замечательны изображения жизненной мощи девственного леса, хранящего тайну природно-космического целого: «Сила растительности этого не пробитого скотом леса на каждом шагу поражала Оленина, который не видал ещё ничего подобного. Этот лес, опасность, старик с своим таинственным шопотом, Марьянка с своим мужественным стройным станом и горы – всё это казалось сном Оленину»⁴. Буйство, чрезмерность окружающей его среды подавляют Оленина и в то же время делают сопричастным удивительной лесной мистерии: «Эти мириады насекомых так шли к этой дикой, до безобразия богатой растительности, к этой бездне зверей и птиц, наполняющих лес, к этой тёмной зелени, к этому пахучему, жаркому воздуху, к этим канавкам мутной воды, везде просачивающейся из Терека и бульбулькающей где-нибудь под нависшими листьями, что ему стало приятно именно то, что прежде казалось ужасным и нестерпимым»⁵. Вполне закономерно, что пытающийся соединиться с этой жизнью Оленин высказывает такую мысль: «Счастье – это быть с природой, видеть её, говорить с ней»⁶.

Напитанный мощной энергией образ леса играет важную роль в толстовском

¹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Т. 2. М.: Наука, 2002. С. 69.

² Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 60. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 265–266.

³ Там же. С. 265.

⁴ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Т. 4. М.: Наука, 2001. С. 67.

⁵ Там же. С. 69.

⁶ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Т. 4. М.: Наука, 2001. С. 107.

противопоставлении природы и культуры. Оленин размышляет, наблюдая жизнь казачков: «...люди живут, как живёт природа: умирают, рождаются, совокупляются, опять рождаются, дерутся, пьют, едят, радуются и опять умирают, и никаких условий, исключая тех неизменных, которые положила природа солнцу, траве, зверю, дереву. Других законов у них нет...»¹ В Дневнике в мае 1862 г. писатель записывает: «Мысль о нелепости прогресса преследует»². Казалось бы, переживания человека, сформированного современной цивилизацией, протекают из-за разрыва его связи с природой во всём её бесконечном многообразии, вечной, прекрасной, существующей как бы вне мысли. Оленин томится в рамках современной ему культуры, жизни высшего круга. Но невозможно подчинить одним только природным законам самосознание, стремление развитой личности. Это противоречие тягостно для него и одновременно благотворно, потому что побуждает героя непрестанно искать, двигаться вперёд, познавать мир. Анализ образа Оленина на основе мифопоэтического метода дан в работе Г. М. Ибатуллиной и В. В. Огородовой «Тотемный миф в повести Л. Н. Толстого “Казачки”»: «...один из парадоксальных результатов тотемной инициации героя у Толстого становится осознание амбивалентной завершенности–незавершенности самого пути инициации» [7, с. 342].

Глубоко и многообразно разработан художественный образ леса в эпопее «Война и мир» и в романе «Анна Каренина». В «Войне и мире» можно выделить четыре сцены, в которых образ леса выдвигается на передний план и раскрываются его теснейшие связи с главной идеей романа-эпопеи.

Князь Андрей весной покидает Богучарово, лежавшее в некрасивой, плоской местности, покрытой полями и срубленными и несрубленными еловыми и берёзовыми лесами. Это место обитания героя

как бы указывает на унылое, безрадостное состояние его души, на растерянность человека, утратившего смысл жизни. По пути в рязанские имения сына Болконский проезжает берёзовым лесом, где «было почти жарко, ветру не слышно было. Берёза, вся обсеянная зелёными клейкими листьями, не шевелилась, и из-под прошлогодних листьев, поднимая их, вылезала зелёная, первая трава и лиловые цветы. Рассыпанные кое-где по берёзняку мелкие ели своею грубою вечною зеленью неприятно напоминали о зиме»³. Это умирительное состояние, которое оказывает на человека пробуждающая природа, дано выразить слуге, обращающемуся к барину: «Лёгко, ваше сиятельство». И даже дуб, этот патриарх леса, который казался вначале князю Андрею символом спокойного отречения от жизни, на обратном пути героя из Отрадного чудно преображается, он «раскинулся шатром сочной, тёмной зелени», млея, колыхаясь в лучах вечернего солнца. В лесу «было полно, тенисто, густо; и молодые ели, рассыпанные по лесу, не нарушали общей красоты и, подделываясь под общий характер, нежно зеленели пушистыми молодыми побегами»⁴, там в гармонии пребывает молодое и старое; как и в «Трёх смертях», всё подчинено законам «божески-всемирным». Погружение в весеннюю лесную стихию для Болконского – это возрождение, обновление жизни. Вешний лес – воплощение естественной красоты, метафора человеческого общества, в котором периоды расцвета и упадка строго закономерно сменяют друг друга. Толстой прибегает к психологическому параллелизму, показывая, что в душе человеческой, в психической жизни персонажа происходят процессы, аналогичные природным. Через слияние с лесом преодолевается разобщённость человека с миром и с ближними.

В романе-эпопее присутствует краткий эпизод, в котором лес выступает поэтически загадочным и пробуждающим сильные

¹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Т. 4. М.: Наука, 2001. С. 90.

² Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 48. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. С. 40.

³ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 10. М.: Государственное издательство Художественная литература, 1938. С. 153–154.

⁴ Там же. С. 157–158.

эмоциональные переживания героев. Этот эпизод связан с печальными воспоминаниями князя Андрея накануне Бородинского сражения об утраченной любви. Перед его мысленным взором встаёт Наташа, рассказывающая, как она заблудилась в таинственном, тёмном лесу, отправившись за грибами, и встретила старика-пчельника. В её словах было столько искренности, непосредственности, которые находили сильнейший отклик в душе героя. Она силилась описать всю гамму чувств, испытанных ею: от страха, растерянности до восторженного изумления, потрясения. Это «страстно-поэтическое ощущение», испытанное Наташей, окунувшейся в неведомое, непередаваемо словами, но становится понятным любящему сердцу князя Андрея. Опосредованно он «заражается» таинственным очарованием леса. Нетрудно также увидеть здесь сюжетную ситуацию волшебной сказки, фольклорный мотив: загадочный мир, в который попадает персонаж, чудесное спасение, дивный добрый спаситель – хозяин этого царства, лесовик.

Другая ипостась образа леса отображается в сценах охоты, где он служит убежищем матёрому волку, олицетворяющему хищные, тёмные начала. Но волк так и не смог его достичь, оказаться в своей стихии, недоступной для охотников. Победителями выходят люди. Ситуация охоты символична, прообразует грядущие военные события. Как отмечал С. Г. Бочаров, сцена эта не идиллична. Занятие охотой даёт сильное, острое чувство жизни, оно связано с традицией. Охота была в древности делом столь же важным, как защита от враждебного племени. Объективная перекличка мотивов охоты и войны красноречива. Много раз повторяется сравнение французской армии после Бородина с затравленным зверем и Кутузова – с опытным старым охотником. Этот эпизод вообрал в себя столь много из главного содержания грандиозной книги [4, с. 24–25].

Партизаны Денисова и Долохова встречаются в лесу в версте от деревни Шамшево, откуда планируют произвести атаку на французский транспорт. Там же оказывается посланный с поручением от

своего командира Петя Ростов. Для партизанского отряда лес выступает укрытием, союзником, защитой. Перед операцией отряд расположился на ночлег. Дождь прошёл, но капли падали с деревьев, перед рассветом опустился туман. Эти погодные явления, звуки способствуют созданию особой, таинственной атмосферы в осеннем лесу. Для Пети Ростова лес становится местом инициации, подготовки для перехода в другую реальность. Лес, по выражению В. Я. Проппа, «скрывал мистику». Именно здесь юному герою предстаёт Вселенная во всей её гармонии, разверзается «бездна, звёзд полна», даются удивительные откровения, касающиеся победы добра над злом, он слышит «музыку сфер». Как пишет французский философ Рене Генон, «...изменение, дающее доступ к инициатическому уровню, соответствует высшей ступени реальности» [6, с. 510]. Учёный также отмечает, что «любое изменение состояния следует рассматривать как совершающееся во тьме; это служит объяснением символики чёрного цвета, связанной с тем, о чём идёт речь; в обряде посвящения кандидат должен пройти через полную темноту, прежде чем получить доступ к “истинному свету”» [6, с. 510].

В романе «Анна Каренина» подробно описана весенняя вечерняя охота Левина и Стивы Облонского. Место тяги находилось в мелком осиннике, по которому были рассыпаны берёзки. Солнце спускалось за крупный лес. Природа постепенно пробуждалась: узкими ручейками текла вода, мелкие птицы щебетали и перелетали с дерева на дерево, был слышен шорох прошлогодних листьев, которые шевелились от таянья земли и роста трав. Левин наблюдал всё многообразие звуков и красок вечернего леса. Подобно сцене с ночным видением Пети Ростова, лесные деревья как бы соединяют земное и небесное, осинник с берёзками предстаёт местом единства и гармонии. Освещённый вечерней зарёй лес, впечатления которого впитывает Левин, неотделим для него от мутно-голубого, подёрнутого белыми полосками туч тускневшего неба. Эта сцена

демонстрирует органическую связь героя с Космосом, его сопричастность сфере Земли и воздушной, Небесной, которые предстают симфонией. Причём наблюдающий звёзды герой соотносит их положение на небе с земными ориентирами, не порывает связи с дольным: Венера сначала видна ему ниже сучка берёзы, затем перемещается выше, и становится полностью видна колесница Большой Медведицы.

Для Толстого особенно привлекателен весенний и летний лес как торжество «живой жизни». Л. Паезани в статье «Влияние природы на понимание и символическую трактовку персонажей в романе Л. Н. Толстого “Анна Каренина”» связывает с противопоставлением зимней и весенней природы антитезу двух главных героев – Анны и Левина [15, с. 264].

В этом произведении лес рассматривается и как хозяйственная ценность, экономический ресурс. Левин не может сдерживать раздражения и презрения по отношению к непрактичному и легкомысленному поступку Облонского, который продал купцу Рябину лес по ничтожной цене, остро реагирует на совершившуюся сделку. Левину обидно видеть обеднение дворянства и проникновение хищнических буржуазных принципов, «дикого капитализма» в деревню. «Тебе низко кажется, – обращается он к Облонскому, – что я считаю деревья в лесу, а ты даришь тридцать тысяч Рябину; но ты получишь аренду и не знаю ещё что, а я не получу и потому дорожу родовым и трудовым...»¹ Герой относит лес к ценностям целого дворянско-помещичьего сословия, он заключает в себе благосостояние семьи, рода, источник материальных благ, обеспечивающих будущую достойную жизнь; лесные владения источник пищи, энергии, сырья. Ценность леса подчёркивается тем, что он выступает не только как обобщённое понятие, но для Левина важно каждое дерево, поэтому его раздражение только усиливается от неразумного оправдания Стивы,

что проданный лес был не обидной, т. е. молодой, а дровяной. К тому же оказывается, что Облонский не счёл деревья. Наука о лесном хозяйстве трудна, потому что лес – это дорогое достояние.

В VIII части романа описана ситуация, когда Кити с ребёнком, спасаясь от жары, отправляется в лес около дома Колок. Левин никогда не поддерживал желание жены носить ребёнка в лес, «находя это опасным, и известие это было ему неприятно»². Поднимается ветер, начинается гроза, буйство стихии. Левин увидел, как в дуб ударила молния, и его охватил ужас при мысли, что дерево упало на Кити и ребёнка. Он отчаянно, «бессмысленно» молился, когда бежал, отыскивая их, но не нашёл на обычном месте: Кити с младенцем и няня находились на другом конце леса под старой липой, целые и невредимые. Левин ощущал лес опасным для прогулок с ребёнком, и недоверие и страх героя говорят о том, что он воспринимал его непредсказуемой, загадочной средой, в которую нельзя вторгаться бездумно. Общение с лесом на равных возможно только для опытного человека, а дитя беспомощно и уязвимо (возможно, здесь присутствуют отзвуки мифологических представлений). Что касается спасения, то Кити, ребёнок и няня оказываются под покровом старой липы. Это отмечено Б. Лёнквист в книге «Путешествие вглубь романа: Лев Толстой “Анна Каренина”»: хранительницей ребёнка и взрослых «оказывается старая липа, медоносное дерево. И тут можно вспомнить, что липа в фольклорных поверьях – священное дерево, связанное с любовью, с празднованием весны и возрождения. Она к тому же символизирует женское начало в противоположность дубу» [11, с. 109]. Таким образом, царство леса таит в себе неожиданности, опасности для человека. В понимании Левина, который ходит на медведя, лес предназначен для зрелого мужа, а не для младенца и слабой женщины. В то же время этот мир может быть благодатью и защитой для людей. В нём сосуществуют начала муж-

¹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 18. М.: Государственное издательство Художественная литература, 1934. С. 182.

² Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 19. М.: Государственное издательство Художественная литература, 1935. С. 384.

ское, суровое – дуб, и женское, милующее – липа. Исследователь Д. Орвин отметила, что этот эпизод перекликается со смертью дерева в рассказе «Три смерти», в котором она рассматривается, скорее, с дарвинистской научной точки зрения как освобождение пространства в лесу для новой поросли. Уравнивание в раннем рассказе законов природы с законами морали было воспринято современниками Толстого как нигилистическое. Однако «для Толстого смерть дерева, понятая таким образом, имела нравственное значение, составляла часть его формирующейся теории “живого разума”». В «Анне Карениной» мы видим поражённое молнией дерево в его человеческом значении целиком глазами Левина. Сам по себе случай остаётся тайной, в то время как его нравственные следствия для Левина совершенно ясны: он, как герой шекспировского сонета, «любит крепче то, что потеряет»» [14, с. 180].

Е. Ю. Полтавец была проанализирована растительная семантика в произведениях писателя как вегетативный и «древесный» код, помогающий проникнуть в сущность духовной эволюции толстовских персонажей [16, с. 108].

Если обратиться к поздним произведениям Толстого, то в пятой главе повести «Хаджи-Мурат» описана картина, вначале отдалённо напоминающая фрагменты из рассказа «Рубка леса». Рано утром, ещё в темноте, две роты вышли с топорами за Чахгиринские ворота и принялись рубить лес. Туман, сливавшийся с душистым дымом трещащих на костре сучьев, постепенно рассеивался. Солдаты уже видели костры, заваленную деревьями дорогу, шедшую через лес, то показывающееся, то скрывающееся солнце. Офицеры закусывали и вели оживлённый разговор. Но неожиданно возникает перестрелка, слышится «непрерывный, весёлый, бодрящий треск ружей», солдаты и чеченцы чувствуют задор. Цепь солдат стояла на опушке леса на одной стороне балки, а на другой стороне напротив них были видны всадники. Мысль Толстого состоит в том, что среди людей господствуют насилие, противоборство, молодечество легко переходит

в убийство или кончается гибелью. Этому противопоставлена невозмутимая, равнодушная, внеморальная природа, которая продолжает жить по своим законам, в её изображении присутствует какая-то отстранённость.

В рассказе «Ягоды» преобладает нравственно-обличительная тенденция: осуждение представителей привилегированных классов, ведущих праздное, пустое существование, и противопоставление ему полной труда и забот жизни народа, в данном случае крестьянских детей, которые наравне со взрослыми стараются принести в дом свою лепту [1, с. 24–25]. Дети, собирающие ягоды в жаркие, безветренные июньские дни, органично вливаются в чарующий лесной мир густой сочной растительности с кое-где срывающейся берёзовой и липовой листвой, кустами шиповника, лугами, усыпанными цветами. Далее поэтически и любовно описывается процесс сбора ягод, курьёзные происшествя, происходящие с крестьянскими ребятами. Стихия леса добра и оберегает детей, это словно кусочек рая на земле. Рассмотренный фрагмент мог стать отдельным рассказом для детского возраста.

В одном из писем жене, написанном Толстым на обратном пути из имения сына Ильи Львовича Гриневки (6 мая 1898 г.), как бы мимоходом обозначено семантическое поле «лес-сад-природа-рай». Эта парадигма объединяет слова, чьи значения приобрели общий смысловой оттенок для писателя, оказавшегося среди зелёной стихии, которая навела его на размышления онтологического характера и о жизни вечной: «Назад ехал через лес Турген[евского] Спасского вечерней зарёй: свежая зелень в лесу и под ногами, звёзды в небе, запахи цветущей ракиты, вянущего берёзов[ого] листа, звуки соловья, гул жуков, кукушка и уединение, и приятное под тобой движение лошади, и физическое, и душевное здоровье. И я думал, как думаю беспрестанно, о смерти. И так мне ясно было, что также хорошо, хотя и по-другому будет на той стороне смерти, и понятно было, почему Евреи рай изображали садом. Самая

чистая радость, радость природы. Мне ясно было, что там будет также хорошо, – нет, лучше»¹.

О том, что писатель воспринимал лес как духовное пространство, своего рода обитель, в которую можно удалиться от мира и страстей, свидетельствует его письмо С. А. Толстой от 8 июля 1897 г.: «Главное же то, что как индусы под 60 лет уходят в леса, как всякому старому религиозному человеку хочется последние года своей жизни посвятить богу, а не шуткам, каламбурам, сплетням, теннису, так и мне, вступая в свой 70-й год, всеми силами души хочется этого спокойствия, уединения, и хоть не полного согласия, но не кричащего разногласия своей жизни с своими верованиями, с своей совестью»².

Развитие образа леса современниками Толстого и новыми поколениями писателей

Трактовка темы «лес и человек» в аспектах, близких Толстому, нравственных, психологических, экологических, социальных, активно звучит в русской литературе XIX в. в таких ярких драматургических произведениях, как пьесы А. Н. Островского «Лес» (1870) и «Дядя Ваня» А. П. Чехова (1896).

Островский изображает царящее в пореформенной России разорение дворянства, расхищение природных богатств, буржуазное хищничество. Антитезой названию пьесы «Лес» выступает наименование усадьбы «Пеньки», принадлежащей эгоистичной, аморальной помещице Гурмыжской, и пустошей Горелая, Палёная и Пылаево. Лес предстаёт символом судьбы (главные герои пьесы, актёры Несчастливцев и Счастливец, встречаются на перекрёстке двух лесных дорог) и тёмной, сумрачной жизни. Несчастливцев в финале характеризует её словами героя драмы Шиллера «Разбойники»: «О, если б я мог остервенить против этого адского поколения всех кро-

вожадных обитателей лесов!»³ Комически-пафосное восклицание приобретает символический смысл.

В пьесе «Дядя Ваня» уездный доктор Астров, современник и во многом единомышленник автора, посвятил себя заботе о сохранении лесов, природы, экологии и лелеет надежду, что деятельность по защите окружающей среды останется в памяти следующих поколений. На влюблённую в него Соню произвели глубокое впечатление слова доктора Астрова о том, что леса украшают землю, учат человека понимать прекрасное, внушают ему величавое настроение, смягчают суровый климат и нравы⁴, их важная роль на земле – цивилизующая, эстетическая. Однако действительность не даёт возможности реализовать свои стремления, а герой постепенно утрачивает представление о цели и смысле жизни. Его монолог о современном положении вещей исполнен боли и бессилия. Причём не только лес предстаёт страдательным объектом, но и вся природа, Россия, человек: «Русские леса трещат под топором, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки, исчезают безвозвратно чудные пейзажи, и всё оттого, что у ленивого человека не хватает смысла нагнуться и поднять с земли топливо. Человек одарён разумом и творческой силой, чтобы приумножать то, что ему дано, но до сих пор он не творил, а разрушал»⁵.

Свой вклад в развитие темы леса внесли советские писатели М. Пришвин, К. Паустовский, В. Бианки, И. С. Соколов-Микитов (к его отцу приезжали поохотиться в лесном урочище Осеки Калужской губернии сыновья Л. Н. Толстого) и др. Пафос их творчества в немалой степени обусловлен традициями русской классики, в том числе толстовскими натурфилософ-

¹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 84. М.: Государственное издательство Художественной литературы, 1949. С. 384.

² Там же. С. 288–289.

³ Островский А. Н. Лес // Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 3 / под общ. ред. Г. И. Владыкина. М.: Искусство, 1974. С. 337.

⁴ Чехов А. П. Дядя Ваня // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 13. М.: Наука, 1978. С. 72.

⁵ Чехов А. П. Дядя Ваня // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 13. М.: Наука, 1978. С. 72–73.

скими взглядами, его универсализмом, в произведениях этих авторов запечатлено величие Вселенной, волнующее разнообразие русской природы, художники стремятся к совершенствованию отношений человека и окружающего мира, их единению, к овладению тайной бытия. Они ощущают, что «идея “природы” указывает на социальную-онтологическую целостность, социокультурной проекцией которой выступает единый человеческий род» [13, с. 100].

Особое место в русской литературе 1950-х гг. занимает роман Л. Леонова «Русский лес», посвящённый не только нравственному и гражданскому конфликту двух типов личности и учёных в области биологических и сельскохозяйственных наук Вихрова и Грацианского, но и размышлениям об исторической судьбе России, о национальном характере, экологических проблемах. В основе произведения – «мысли о будущем и поставленных под угрозу источниках жизни». В предельном обобщении «Русский лес» символизирует Родину и русский народ. Литературовед В. И. Матушкина подчёркивала, что забота о гармоничном единении человечества выводит Толстого и Леонова «на высший уровень планетарности философского мышления», связанного с этикой любви не только к ближнему, но и ко всем людям мира [12, с. 257].

Заключение

Русская литература богата высокохудожественными изображениями природы. Проблемы методологии и анализ основных подходов к изучению её образа привлекают активное внимание исследователей [2; 3, с. 22–29]. В творчестве Л. Н. Толстого образ природы по своему эстетическому и философскому содержанию занимает важнейшее место. Картину русского национального бытия, самобытного мира, запечатлённую на эпическом полотне писателя, невозможно представить без вечно живой стихии леса в её многоликих отношениях с цивилизацией и личностью. Прodelанный в данной работе с привлечением <Проекта по лесному

хозяйству>, мемуаров, дневника, записных книжек, деловых бумаг, писем различного характера анализ рассказов «Рубка леса», «Три смерти», повести «Казаки», эпопеи «Война и мир», романа «Анна Каренина», повести «Хаджи Мурат», рассказа «Ягоды» свидетельствует, что изображённый писателем лес – важная составляющая природной сферы, он исключительно богат своими проявлениями, самодостаточен, трактуется как часть Универсума. В качестве сюжетно-композиционного элемента лес выступает архетипом, первообразом, особой средой, таящей мощную энергию, недоступной миру людей, но лесная стихия также обладает способностью оказывать обновляющее воздействие на личность, приобщать её к вечной красоте. Образ леса не однозначен: он предстаёт пристанищем носителей зла, жертвой и местом сакральным, где происходят таинства или герой прикасается к трансцендентной реальности; может быть близок человеку и отстранён от него. В нём заключены начала опасные и благодатные.

Развитие онтологических, моралистических взглядов художника, его представлений об отношениях Целого, природы, личности и общества утверждало Толстого в мысли, что существование людей должно согласовываться с естественными законами жизни, с необходимостью хранить связь со своими истоками, основами. Величие природы и принадлежащего ей царства леса состоит в неисчерпаемости её проявлений, в заключённой в ней неизреченной тайне. Она связывает человека с вечностью, духовно, этически влияет на него, побуждает искать смысл бытия и своё предназначение, играет исключительную роль в жизнедеятельности людей. Это убеждение сближало с великим художником таких его современников, как Островский, Чехов, а также литераторов XX в., прежде всего Пришвина, Паустовского, Леонова. В то же время проблема упорядочивания отношений природы и культуры, прогресса оставалась для Толстого открытой.

Статья поступила в редакцию 12.08.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева В. Г. Экспликация усадебно-дачного топоса в «Круге чтения» Л. Н. Толстого // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 17–27.
2. Архангельская Т. Л. Н. Толстой. Пути. Дороги. Лица. Орёл: Орловская литература и книгоиздательство, 2005. 188 с.
3. Богач Д. А. Проблемы понимания образа природы в литературоведческой науке // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2017. Вып. 106. № 6 (402). С. 22–29.
4. Бочаров С. «Война и мир» Л. Н. Толстого // Три шедевра русской классики. М.: Художественная литература, 1971. С. 7–104.
5. Васильев П. В. Великий писатель и русский лес. Очерк // Лесное хозяйство. 1972. № 11. С. 75–80.
6. Генон Р. Символика креста. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 704 с.
7. Ибатуллина Г. М., Огородова В. В. Тотемный миф в повести Л. Н. Толстого «Казачья» // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2018. Т. 28. Вып. 3. С. 335–347.
8. К истории проекта лесонасаждения Л. Н. Толстого // Летописи Государственного литературного музея. Л. Н. Толстой. Кн. 2 / ред. Н. Н. Гусев. М.: ГЛМ, 1938. С. 263–265.
9. Каминский К., Мартин Э. Срубленный лес, или О резервах русского реализма. Тургенев, Толстой, Печерский // Русский реализм XIX века: общество, знание, повествование: сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 344–377.
10. Красносельская Ю. И. Символика природы в творчестве Л. Н. Толстого 1850–60-х гг. в контексте литературных и общественно-политических полемик эпохи: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 174 с.
11. Лёнквист Б. Путешествие вглубь романа. Лев Толстой: «Анна Каренина». М.: Языки славянской культуры, 2010. 128 с.
12. Матушкина В. И. Идея человеческого прогресса в нравственно-философских исканиях Л. Н. Толстого и Л. М. Леонова // Духовное наследие Л. Н. Толстого и современный мир: материалы XII Барышниковских чтений. Русская классика. Проблемы интерпретации, Липецк, 24–26 февраля 2003 г. Липецк: Липецкий государственный университет, 2003. С. 256–264.
13. Насырова Д. Х. Философия природы и её осмысление в пределах культурно-исторического и социального опыта // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 10. С. 98–101.
14. Орвин Д. Т. Искусство и мысль Толстого. 1847–1880. СПб.: Академический проект, 2006. 304 с.
15. Паезани Л. Влияние природы на понимание и символическую трактовку персонажей в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Семантика времён года в русской словесности: коллективная монография. М.: Московский городской педагогический университет, 2021. С. 259–265.
16. Полтавец Е. Ю. Вегетативный код и мотив самопознания в произведениях Л. Н. Толстого // Семантика леса и сада в русской литературе и фольклоре: сборник научных статей. М.: Московский городской педагогический университет, 2017. С. 108–118.
17. Пропп В. Я. Морфология сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. 512 с.

REFERENCES

1. Andreeva V. G. [Explications of the estate and dacha topos in Leo Tolstoy's A Calendar of wisdom]. In: *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik* [Upper Volga Philological Bulletin], 2022, no. 3 (30), pp. 17–27.
2. Arhangel'skaya T. L. N. Tolstoj. Puti. Dorogi. Lica [L. N. Tolstoy. Paths. Roads. Faces]. Orel, Orlovskaya literatura i knigoizdatelstvo Publ., 2005. 188 p.
3. Bogach D. A. [The Nature in the Literary Text: Theory of the Question]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology Sciences], 2017, iss. 106, no. 6 (402), pp. 22–29.
4. Bocharov S. [“War and Peace” by L. N. Tolstoy]. In: *Tri shedevra russkoj klassiki* [Three Masterpieces of Russian Classics]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1971, pp. 7–104.
5. Vasilev P. V. [The Great Writer and the Russian Forest. Essay]. In: *Lesnoe hozyajstvo* [Forestry], 1972, no. 11, pp. 75–80.
6. Genon R. *Simvolika kresta* [Symbolism of the Cross]. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2008. 704 p.
7. Ibatullina G. M., Ogorodova V. V. [Totem Myth in L.N. Tolstoy's Novel “The Cossacks”]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology], 2018, vol. 28, iss. 3, pp. 335–347.
8. Gusev B. N., ed. [On the History of L. N. Tolstoy's Afforestation Project]. In: *Letopisi Gosudarstvennogo*

- literaturnogo muzeya. L. N. Tolstoj. Kn. 2* [Annals of the State Literary Museum]. Moscow, GLM Publ., 1938, pp. 263–265.
9. Kaminsky K., Martin E. [The Felled Forest, or On the Reserves of Russian Realism. Turgenev, Tolstoy, Pechersky]. In: *Russkij realizm XIX veka: obshchestvo, znanie, povestvovanie* [Russian Realism of the 19th Century: Society, Knowledge, Narrative]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020, pp. 344–377.
 10. Krasnoselskaya Yu. I. *Simvolika prirody v tvorchestve L. N. Tolstogo 1850–60-h gg. v kontekste literaturnyh i obshchestvenno-politicheskikh polemik epohi: dis. ... kand. filol. nauk* [A Collection of Articles. Moscow: New Literary Review]. Moscow, 2008. 174 p.
 11. Lyonkvist B. *Puteshestvie vglub' romana. Lev Tolstoj: "Anna Karenina"* [Journey into the Depths of the Novel. Leo Tolstoy: "Anna Karenina"]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2010. 128 p.
 12. Matushkina V. I. [The Idea of Human Progress in the Moral and Philosophical Searches of L. N. Tolstoy and L. M. Leonov]. In: *Duhovnoe nasledie L. N. Tolstogo i sovremennyy mir: materialy XII Baryshnikovskikh chtenij. Russkaya klassika. Problemy interpretacii, Lipeck, 24–26 fevralya 2003 g.* [The Spiritual Heritage of L. N. Tolstoy and the Modern World: Proceedings of the XII Baryshnikov Readings. Russian Classics. Problems of Interpretation, Lipetsk, February 24–26, 2003]. Lipetsk, Lipetsk State University, 2003, pp. 256–264.
 13. Nasyrova D. H. [Philosophy of Nature and Its Understanding in Cultural-Historical and Social Experience]. In: *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 2019, no. 10, pp. 98–101.
 14. Orvin D. T. *Iskusstvo i mysl' Tolstogo. 1847–1880* [Tolstoy's Art and Thought]. St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2006. 304 p.
 15. Paezani L. [The influence of nature on the understanding and symbolic interpretation of characters in L. N. Tolstoy's novel "Anna Karenina"]. In: *Semantika vremyon goda v russkoj slovesnosti* [Semantics of the seasons in Russian literature]. Moscow, Moscow City Pedagogical University Publ., 2021, pp. 259–265.
 16. Poltavets E. Yu. [Vegetative code and the motive of self-knowledge in the works of L. N. Tolstoy]. In: *Semantika lesa i sada v russkoj literature i fol'klore* [Semantics of the forest and garden in Russian literature and folklore: a collection of scientific articles]. Moscow, Moscow City Pedagogical University, 2017, pp. 108–118.
 17. Propp V. Ya. *Morfologiya skazki. Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [Morphology of the fairy tale. Historical roots of the fairy tale]. Moscow, Labirint Publ., 1998. 512 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Павлова Ирина Борисовна — доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук;
e-mail: antologia1@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina B. Pavlova — Dr. Sci. (Philological Sciences), Senior Researcher, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: antologia1@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Павлова И. Б. Образ леса как части вечной природы в системе художественно-философских взглядов Л. Н. Толстого // Отечественная филология. 2025. № 1. С. 132–148.
DOI: 10.18384/2949-5008-2025-1-132-148

FOR CITATION

Pavlova I. B. The Image of the Forest as a Part of Eternal Nature in the System of L. N. Tolstoy's Artistic and Philosophical Views. In: *Russian Studies in Philology*, 2025, no. 1, pp. 132–148.
DOI: 10.18384/2949-5008-2025-1-132-148